

актеры и роли

— Вячеслав Михайлович, начнем с самого начала: что привело вас в артисты?

— Вроде бы полагается томно тронуть виски кончиками пальцев, вот так (показывает), и припомнить, как однажды взрослые привели впечатлительное дитя на спектакль, и Театр властно завладел им, дитем, и увлек навсегда... Честно говоря, так не было. Сколько себя осознаю, всегда что-то играл, представлял — и дошкольником, и в школе. Откуда что взялось? Семья вовсе не театральная. Тульские мы; отец, Михаил Яковлевич, был главным механиком оружейного завода, мама, Лидия Федоровна, на железной дороге трудилась, пенсионерка теперь. А я, видите, «отбил» от рук». С четвертого класса — в драмкружке Тульского Дворца пионеров (пожалуйста, запишите фамилию руководителя: Дмитриев Анатолий Иванович, чудесный человек, он и сейчас там). Я, собственно, с младенчества уверен был, что в актеры пойду. После десятилетки поехал в Москву поступать во ВГИК. Не приняли. Руководитель курса, кстати, маститый мхатовец — Владимир Вячеславович Белокуров, сказал как бы в утешение: «Твое дело не кино, а театр». Так-то... Вернулся я в Тулу — и вступил в труппу ТЮЗа.

— Каким же образом?

— А таким: попросился, прослушали меня и взяли. Много играл в этом театре (и до сего дня поддерживаю самую добрую связь), но мыслей об учебе в столице не оставлял. И однажды поехал по второму заходу (но, конечно, не во ВГИК). Сдавал в Школу-студию МХАТ: давно к Художественному театру тяготел. Между прочим, когда уже зачислили, подошел ко мне Владимир Вячеславович Белокуров: «А я что тебе говорил? Твое дело — театр!» Потом мы с ним вместе в «Ревизоре» играли: он — Городничего, я — Хлестакова... После выпуска приняли меня в МХАТ. Тому уж шестнадцать лет. Вот значок (получил, «чайку», — такой за 15 лет работы вручается, с изображением мхатовского занавеса, а на оборотной стороне фамилия и дата. За все эти годы я не знал ни дня простоя, всегда было что играть.

— Ваши персонажи, бесспорно, очень разнятся. Хлестаков совсем иной, чем, скажем, Вася Шустрый из «Горячего сердца» или отставной поручик из «Села Степанчиково». Фарлаф, как мне кажется, во многом гротесковый, а, допустим, Ромашко, ветеран Великой Отечественной войны из телефильма «Ольга Сергеевна» — трогателен в своей величественной простоте... Но, согласитесь, есть нечто, всех их объединяющее...

— Да что вы со мной осторожничаете? Скажите напрямик: амплуа ваше, товарищ Невинный, когда-то называлось «простаком, рубаха-парень». Так оно и есть. От амплуа никуда не денешься. Должен заявить: исповедую школу МХАТ. В широком смысле школу. Конечно, роли разные, но какими бы они ни были, в каждом случае это я. Я в предлагаемых обстоятельствах, в поставленных ролях условиях — герой ли, жертва, обыватель, фанфарон, что угодно — но я, по велению режиссера пробудивший в себе такие-то и такие-то душевные струны. В этом, на мой взгляд, наше актерское ремесло.

— Вы не приземляете понятие? Неужели только «ремесло»?

— Почему «только»? И что приземленного в понятии «ремесло»?.. Ну ладно, сейчас изобразим (принимает соответствующую позу и выражение лица). «Мое художническое видение...» Неужели это симпатичнее? Я считаю: ремесленнику попадает в руки кусок кожи, при виде которого у него в ладонях и вокруг сердца начинает быстрее бегать кровь. Он говорит: «Ох, какую вещь я из этого сейчас сделаю!» И потом то, что он из «этого» сделал, стоит под стеклом где-нибудь в музее в Кускове с надписью: «Сапоги. Работа неизвестного мастера»... А чтобы звать Художником, нужно, я считаю, совершить своими работами переворот в искусстве! Каждый ли, кто говорит о себе: «Я — художник», совершил такое?..

— Но рамки амплуа ограничивают актера. Скажите откровенно, разве не хотелось бы вам сыграть что-то «не вашего амплуа»? Отелло или Гамлета?

— Отелло? (Смотрит пристально, словно оценивая противника перед тем, как дать бой). Нет, не хочу. Вы скажете: почему же, комплекция подходящая, лицо широкое, если черным намазать — чем не Отелло? Но не подхожу я, не подхожу! Хотя запятая (резкий жест, рисует запятую), вдруг найдется режиссер, спросит: «Ты способен сильно любить?» Отвечу: «Способен». — «А сильно ревновать?» — «Допустим». — «А поверить приятелю, который хочет раскрыть тебе глаза?» — «Ну, скажем, поверю». — «А разгневаться до ярости?» — «Разгневаюсь». — «Значит, ты — Отелло!» Не-е-ет!.. Вот если он мне докажет, что при его концепции будущего спектакля, глубоко продуманной, убедительной, обоснованной, единственный вариант Отелло — актер Невинный, тогда я еще, может, поколеблюсь, прежде чем отказаться.

Или Гамлет. Он когда, по-вашему, Гамлет? Когда переживает смерть отца? Или когда ухаживает за Офелией? Устраивает мышеловку, фехтует с Лаэртом? Не-е-ет! Переживать, ухаживать, сражаться могут многие. Он тогда Гамлет, когда говорит: что же это делается, быть или не быть в таком датском королевстве?.. Если актер чувствует себя вправе выйти на сцену и безмолвно спросить зрительный зал: «Знаете, есть такая трагедия у Шекспира — «Гамлет»?» А зал — тоже безмолвно — ответит: «Знаем». И тогда актер говорит: «Ну, а теперь я вам покажу то, чего вы до сих пор о Гамлете не знали». Так вот, если актер чувствует себя вправе так сказать зрительному залу, тогда он — Гамлет.

Необходима внутренняя убежденность актера, что он имеет право на роль. Например, двенадцать лет я играю Хлестакова, нелегко он мне дался... У Гоголя как о нем сказано? Ногтем такого придать можно. Дескать, хлюпик, мизер. А я, знаете ли, всегда был, мягко говоря, платонов. Ну, допустим, полусельский Хлестаков, сын какого-нибудь помещика из глуши. Но как такого объемистого ногтем-то? Из-за этого я на первых порах полспектакля доказывал зрителю, что и такой возможен Хлестаков. А последнее время чувствую: отяжелел.

— Ну так сбросьте несколько кило, искусство же требует жертв!

— Да поймите, я внутренне отяже-

Готовясь к этой беседе, я спросил нескольких знакомых, что они о нем скажут. «Невинный? Свеобразный, самобытный актер! То, что называют яркой индивидуальностью. Видел его Хлестакова в мхатовском «Ревизоре»? Новую работу в чеховском «Иванове»? Или в кино — в «Председателе», «Вирине»? В «Руслане и Людмиле» — до чего смешной Фарлаф!.. Интересно, а в жизни он такой же — размашистый, озорной, и энергия через край?». В жизни, то есть дома, в свободные часы, заслуженный артист РСФСР Вячеслав Невинный оказался таким, как можно было представить. Размашистым, чрезвычайно энергичным. Озорным? А что, протаскивало. Но главное, предельно открытым — с ним чувствуешь себя, как со старым школьным товарищем.

ТАКОЕ АМПУА

лел! Все труднее мне выходить на сцену Хлестаковым, отстаивать право на существование его такого...

— Проверая свое ощущение, я спрашивал мнения других, и мы сошлись в том, что, когда смотришь вашу работу в кино или театре, невольно думаешь: а ведь он иронизирует. Либо высмеивает свой персонаж (к примеру, Себекина в родинском «Старом новом годе»), либо усмехается, показывая нам его. Это не ошибочное впечатление?

— (После довольно длительной паузы). Вот ведь какую лестную вещь можно однажды услышать... (Загораясь). То, о чем вы сейчас сказали, я бы назвал отстранением. Знаете, я многое читал о Михаиле Чехове, в том числе его собственные записки. Выдающийся был актер. Как говорят за театральными кулисами, человек «ненормального дарования». Какую бы эмоциональную роль он ни играл, сам словно раздваивался, смотрел на себя со стороны и как бы говорил зрителю: «А хотите, я эту роль вот так поверну? А могу и этак». Понятно, о таком мастерстве можно лишь мечтать. Это высший пилотаж! Но если не шутите, если вправду зрителям кажется, будто я иронизирую над своим персонажем, значит, что-то все-таки удается... Только вот Себекина вы не совсем удачно выбрали для примера. Я по поводу его если и усмехнусь, то с сожалением. Накупил Себекин вещей, всю квартиру заставил. «Ох, и здорово живу!» — говорит. А наутро все барахло ему поперек горла и свет не мил. А почему? Потому что он бездуховен. И ведь жаль его, не без способностей человек, даже, быть может, талант в своем деле.

— Скажите, какое достоинство человека вы особенно цените? И что вам абсолютно претит?

— Больше всего ценю талант. Презираю того, кто предает.

— Что вас больше всего смущит?

— Некоторые застывшие представления. Например, идем мы с приятелем после спектакля, я смотрю на часы и говорю: «Эх, пожалуй, не успеем!» Он мгновенно откликается: «Да, уже все закрыто». А я, между прочим, имел в виду третий период хоккейного матча.

— В каких фильмах вы вас увидите?

— В картине «Инкогнито из Петербурга» (иначе говоря, «Ревизор»), которую ставит на «Мосфильме» Леонид Гайдай: у меня роль Земляники.

Мы прощались, когда в квартиру вошла народная артистка РСФСР Нина Гуляева.

— Познакомьтесь, — сказал Невинный, — это моя жена, Нина Ивановна. Можно было бы показать и сына Вячеслава, но он, придя из школы, отправился гулять.

УШЕЛ Я ОТ НЕГО с очень хорошим чувством, мысленно видя его добродушную широкую улыбку. Признаюсь, приятно было выполнять эту просьбу читателей «Недели», высказанную во многих письмах в редакцию: поближе познакомиться с актером Невинным.

Э. ЦЕРКОВЕР.

Фото В. Витальева.